

В культурной жизни города нашему драматическому театру по праву принадлежат ведущее место. Каждый новый спектакль — это значительное событие, праздник для зрителей, если театр работает творчески, с подъемом, если у него есть свое лицо, если в коллективе есть одаренные актеры.

Лицо театра определяет прежде всего репертуар. Посмотрим же, как выглядит с этой точки зрения Сызранский театр.

Нынешний театральный сезон в нашем городе открылся спектаклем «Пресс-атташе в Токио» по пьесе Раппопорта и Маклярского. Постановка последовала вскоре после публикации ряда материалов в газетах и журналах, сделавших известным всему миру имя легендарного советского разведчика. На экраны вышел фильм о Зорге. Все это вызвало у советских людей живой интерес к личности этого замечательного человека. Спектакль прозвучал свежо и злободневно. Актеры, как нам кажется, играли с воодушевлением. С интересом и волнением смотрели спектакль зрители. Это был, несомненно, успех коллектива театра.

Вспоминается и другой спектакль — «В день свадьбы» Розова. Он был адресован более узкому кругу зрителей, чем спектакль о Зорге. Это пьеса о молодежи и для молодежи. Но глубокая человечность, жизненная правда, драматизм основного конфликта, красота характеров сделали его для театра и зрителей событием значительным и радостным. Мы до сих пор вспоминаем настроение светлой грусти и вместе с тем эстетического удовлетворения, с которым уходили из театра.

А вот последовавшие затем премьеры все чаще вызвали чувство неудовлетворенности. «Тридцать строк», «Время любить» и «Три долгих дня», «104 страницы про любовь» и «Доктор философии», «Хозяйка гостиницы» и, наконец, «Шутники». Спектаклей, как видим, показано много, спектакли разные. Но делают ли они лицо театра?

Мы далеки от того, чтобы поставить под сомнение право на сценическую жизнь

драматургии Нушича, Гольдони или Островского. Но не слишком ли много классики в облегченном, если так можно выразиться, жанре? Чем руководствовался театр, его художественный совет при выборе репертуара?

Нам кажется, что от спектакля к спектаклю театр все больше отступал, отказываясь от той серьезной заявки, которую сделал в начале сезона, поставив первые два спектакля. Развлекательность одних пьес, откровенно низкий художественный уровень драматургического материала других (особенно «Тридцать строк») серьезно снизили художественную и общественную значимость работы коллектива.

У спектакля, как и у театра, должен быть свой зритель, без чего нарушается атмосфера взаимопонимания между сценой и зрительным залом, между актерами и зрителями. А последние работы театра не имеют, так сказать, адреса, они предназначены всем и никому.

В сущности, нужно немного. Нужно, чтобы спектакль волновал зрителя, чтобы в пьесе, характерах героев он находил отражение своих мыслей, сомнений, исканий. Пьеса может быть любой: современной или классической, она может рассказывать о наших днях или о глубокой древности, но звучание ее должно быть актуальным. (Не правда ли, такие несовременные вещи как «Гамлет» или «Лиса и виноград» звучат весьма современно!). В противном случае спектакль живет недолгой жизнью мотылька. А вызвал ли хоть один из последних спектаклей такой, мы бы сказали, общественный резонанс, как два первых? Имел ли столь полный и длительный успех?

Особенно разочаровала нас постановка «Шутников». Мы с большим уважением относимся к драматургии Островского, но решительно не понимаем, чем привлекла театр эта пьеса? Для кого она поставлена?

Островский был большим художником и знатоком русского языка. Многие пословицы и поговорки пришли в наш разговорный язык из его пьес. «Шутники» — вещь менее всего характерная в этом отношении

Лучшие пьесы Островского были главным обвинением темного царства тупого и жестокого купечества. В его трагедиях герои гибли, протестуя; в его комедиях доброты и благородство обездоленных людей торжествовали над невежеством, ханжеством, эгоизмом. В «Шутниках» и этого нет.

«Шутники» — это мелодрама, где торжествует философия непротивления злу насилием; а чтобы у зрителя не возникло сомнения, что движет поступками героини пьесы, когда она жертвует собой ради счастья родных и выходит замуж за купца Хрюкова, на заднике сцены возникает и долго держится изображение Христа. «Христос терпел и нам велел». Возможно, так думает героиня пьесы. Ну, а что должен думать зритель?!

Не будем простаками: ясно, что ни спектакль в целом, ни его такая вот концовка ничего не изменяет в мировоззрении зрителя. Зато с точки зрения идейно-художественной такой финал вызы-

вает возражения, а спектакль в целом вопрос: «Зачем все-таки надо было его ставить?»

Думается, что постановка «Тридцать строк» и «Шутников» является следствием обстановки нетребовательности в выборе репертуара, сложившейся в театре, обстановки, которая нарушила контакт театра со зрителем, вызвала к жизни целый поток «облегченных» спектаклей.

Как было бы хорошо, если бы конец сезона стал подобен началу и если бы это начало в будущем году получило хорошее продолжение! Горько желаем театру, чтобы снова каждый его спектакль стал радостным событием для доброжелательных и благодарных зрителей, а для его коллектива — предметом радостного и творческого труда.

Э. Кузьмина,
врач.
И. Кузьмин,
инженер.